

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

ЛЕЧЬ ЗА РОДИНУ СВОЮ...

Виктор Васильевич Брюховецкий родился в 1945 году в Алейске Алтайского края. Около 50 лет проработал на опытном заводе государственного института прикладной химии, служил в рядах Советской армии. Заочно окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения по профессии «инженер-электро-механик». Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор 14 поэтических книг, более 100 публикаций в отечественных журналах. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. Прокофьева, им. А. Невского, Пушкинской (Нью-Йорк), журналов «Москва», «Наш современник», «Нева» и др. Живёт в пос. Кузьмовский Всеволожского района Ленинградской области.

Галка

1.

По-над грязью, по-над лывой,
Выбирая сушь и твердь,
Меж канав с густой крапивой
Я иду такой красивый —
Можно просто умереть.

Брюки клёш, сандалии с кантом
На подбитом каблуке,
Чуб волной и с бриллиантом
Перстень медный на руке.

Распашонка — бумазая!
Подпоясочка — змея!
Девки местные глазеют —
Кто такой?
А это я!

Пусть глазеют, мне не жалко.
Не испортят.
Всё — враньё!..
Мне нужна подружка Галка,
Плечи круглые её.

Мне её движенья любви.
От неё жара в стогу.
У неё такие губы —
Я повеситься могу!

Мне Господь подобных Галок
В жизни больше не пошлёт...
Как откинет полушалок
Да глазами поведёт!

От калиточки — к сараю,
В травы пенные, в стога...
Галка! Галка... умираю...
Галка... жизнь не дорога!

2.

Роса отвечает розовым.
Коснусь рукою — горяча!
Встаёт заря над нашим озером
И ходит козырем с плеча.

И мы встаём. Невиноватые.
Хоть и трезвонят соловьи
Про все мои дела помятые
И все измятые твои.

И я разглаживаю складочки,
И, не решаясь глаз поднять,
Тебя целую в щёчки-ямочки,
И в бездну падаю опять.

Жаворонок висит отвесно,
Так отвесно, что не видать.
Льётся песня, и мне известно —
Что обязан я передать,

Уходя, этим травам, нивам,
Этой милой земле моей,
Где бывал я порой счастливым,
И несчастным —
Несчётно дней,

Где я, русский, насквозь
советский,
Жил, вращаясь во все глаза,
Как на ниточке шарик детский,
В небо рвущийся.
В небеса!

К звёздам рвущийся, в бездну,
в космос,
В жуткий холод, синющий аж,
Где не в помощь ни слух,
ни голос,
Ни бумага, ни карандаш,

Где я эту тоску без края,
Как загадано на роду,
Словно выстрел, пробую, сгорая,
И, сгорев, за предел уйду.

Не спи, пацан

Самому себе

Как весело с утра колёсам
По холодку, по звонким росам
Скрипеть, постукивать, юзить!
...Всё это там, в краю далёком,
В таком высоком синеоком,
Что даже не вообразить...

Степям длинноты не помеха.
Как ни шуми — не слышно эха,
Но глазу видно то и то:
Высокий беркут, даль сайгачья,
Сурка — в нору — движенье
рачьё
При виде пугала в пальто.

Возница же, ногой качая,
Сурка (бы как) не замечая,
Под сено подоткнув вожжу,
Вдыхая пот гнедой лошадки —

Солёно-терпко-душно-сладкий, —
На гривы смотрит, на между,

На то, как, зёрна наливая,
Овсы, метёлками кивая,
Желтеют кверху. Срок всему!
Всему, всему... коню, колёсам,
Суркам, горохам и овёсам,
И лишь вознице одному

Пока не срок.
Ему до срока
Такая долгая морока!
Такие дни и столько дней!
И мрак, и хмарь, и злые ветры,
И плюс такие километры,
Где новый прежнего длинней.

И эта степь. Она докуда?
О, эти травы-ковыли!
Из всех чудес чуднее чуда
Придумать боги не могли:
Хлеба, холмы, сурки, бурьян...
Не спи, пацан! Смотри, пацан...

Люблю пчелу в начале мая,
Когда выходишь в огород,
А там ни рельсов, ни трамвая...
Пчела!
И оторопь берёт.

Ещё почти апрель. Откуда?
Такая вербная! Жужжа,
Она кружит, и мне от гуда
Её довольно куража

Для счастья полного. Ликую!
Пчела, земля, грачи, стада!
Кто там ещё на Русь святую
Куёт мечи? Какой балда?

Я руки протяну, и сядет
Она на палец, пострижёт
Крылами...

Мне её погладить
Захочется, но обожжёт

Простая мысль: не тронь. И руки
Я опускаю: улетай...
Пчела! Как много в этом звуке!
Как связано: пчела — Алтай!

Как связано: Алтай — Россия!
Россия... Росы на крови!
Пчела... Красавица... Мессия...
Спасибо, что жива. Живи!

— Живи, живи... — я повторяю.
— Не исчезай, — прошу, молю...

Люблю пчелу в начале мая.
Я вообще её люблю.

Начало

Юных надежд моих конь...

Н.Шипилов

Листья плотные белладонны
Пахнут бешенством, только
тронь...

А глаза у тебя бездонны,
А в зрачках у тебя огонь.

На шажок отпущу подпругу,
Стремена подберу к луке
И тебя через луг по лугу
Поведу в поводу к реке.

— Ты такую не пил. Напейся!
Ухом трепетным поведи...
Бейся, сердце моё, разбейся,
На куски разорвись в груди!

Загадайся дорогой ясной,
Не над пропастью — над рекой...
Я поглажу твой круп атласный,
Кожи тонкой коснусь щекой;

Я тебя, что с моей судьбою
В жизни станется, не спрошу,
Грудью полною в такт с тобою
Я теплом твоим подышу,

Жарким потом, горячей солью,
Всем, что отроду по душе,
По грядущему — светлой болью,
Без которой не жить уже.

ИГРОКИ

Вот не знаю никак: мы однажды
когда
Всё, что было, припомним
и карты откроем...
Ветер ставнем грохочет, стораец
звезда
Перед тем, как упасть на погоны
героям.

Старый лайнер, качая пробитым
крылом,
Из Афгана приносит недобрые
вести.
Инвалиды в ответ за дощатым
столом
Говорят: «Будем жить», —
принимая по двести.

Время лечит не всё.
— Так забьём же козла!
Отставник, раздобыв конопляное
масло,
Запалил фитилёк:
— Хуже нет ремесла,
Чем барана остричь и отправить
на мясо...

Знает всякий, насколько он прав
и неправ.
Бес игры восьмиглаз, видит ход
с полуслова.
Фишка к фишке — и «рыба».

Понюхай рукав
И потёртые «кости» замешивай
снова.

И под этот замес, в сигаретном
дыму,
Добывая бутыль с виноградом,
что бродит,
Наблюдай, как неспешно сквозь
сизую тьму
Новый день подступает и к небу
восходит.

В граде Питере в сумерках снег
невесом
И пушист, если очень искрят
провода.
В граде Питере ходит народ
колесом
Из трамвая в метро, из метро
хоть куда.

Эскалатор неспешно везёт и везёт.
Ну и как поспешишь?
И никто не спешит...
Я считаю, что мне в этой жизни
везёт,
Потому что я к ней крепко
дратвой пришит.

Той, что шорник сшивает ремни
и гужи,
Чтобы труд — для души,
Чтоб дороги — легки,
Чтобы сшивки хватило на всю
эту жизнь
До победного дня, до последней
реки.

Я люблю этот город и сумерки
тож,
Кровь его светофоров и тайны
дворов,
И Казанский — за то, что на хана
похож,
И знобящую сырость балтийских
ветров.

И куда б я ни шёл, и о чём бы
ни пел,
Возвращаюсь к нему: до чего же
хорош!
Как же сильно когда-то пред ним
оробел
Я, обутый в литую резину
калош.

Но помог он мне, выварил
в горьком соку.
Напитал мои вены добром.
На века!

Чтоб я помнил о том и берёг.
Берегу!
А иначе откуда бы эта строка?

А иначе откуда бы дом и семья,
И жена по душе, и дитё по уму,
А иначе с чего бы спокоен был я,
Всем нутром ощущая грядущую
тьму?

За окошком свет неяркий,
Полусумрак день-деньской.
Стол, тетрадь, свечной огарок...
Я не то, чтоб не подарок,
Но какой-то не такой.

Не здоров и не болею.
Холода стоят. Дожди.
А над речкой над Алеем
Небо ясное, поди.

Ни беды, ни канители.
Журавли-коростели.
Птицы-утки пролетели,
Гуси-лебеди прошли.

Всё по чину, всё по кругу,
Стук весла, мотора звук.
Ходят девушки по лугу,
Рвут неспешно дикий лук.

Про печаль поют, разлуку,
Но не скажут никому,
Как скучаю я по луку
Луговому дикому.

Как смотрю в окно с рассвета,
Как хочу туда, домой...
Где ты, Катя, как ты, Света,
С кем ты, Галка, ангел мой.

Я приснился себе и проснулся.
Начиналась гроза. Вдалеке
Гром ходил, и мерцание пульса
На берегу моём на руке

Убеждало, что время не лечит,
Намекая тем самым на то,
Что на практике вычет на нечет
Перемножить не может никто.

Я пытался, я брал интегралы,
Я строку из металла ковал,
Я путём не меча, но орала
Свой хотел одолеть перевал.

Сколько всякого, сколько
незримых
Троп, никак не означенных тут,
Человечьих, змеиных, звериных,
Перекрыченных намертво
в жгут...

Не достиг ни наград,
ни признаний,
Но, вдыхая отечества дым,
Сердцем чувствовал новые грани
С новым словом и слогом иным,
Ощущал, как волнуются мысли
В час, когда подступало извне
Не сакральное, высшее в смысле,
А до боли неясное мне.

ГУСИ

Летели гуси от зари,
Летели строго на зарю,
Где из засидок дикари
Их били влёт на «раз-два-три».

Два-три — для стаи — не урон.
Не запечалится страна.
Цена гусятины — патрон.
По нашим ценам — не цена.

Летят стада за Воркуту,
К оленьим мхам, к Обской губе.
Они прошли Алма-Ату,
Их пропустили в Душанбе.

Их не убили на Дону,
Не подстрелили на Днепре.
Никто не ставил им в вину
Их шумный гогот на заре.

Мерцают звёзды-фонари,
Зовут к истокам, как и встарь...
Стреляют метко дикари.
По мне, любой с ружьём —
дикарь.

Я из таких же дикарей.
Я в детстве рад был сухарю.

Мне не хватало сухарей,
О мясе и не говорю.

Так это было в те года,
Когда отцы, придя с войны,
Нам говорили:
— Ерунда,
Перебудуем, пацаны...

И, вкладывая в ствол патрон,
Мне назидал отец:
— Учись...
И бил летящего в угон,
И жёг табак: —
Ну, что за жизнь!..

Так это было в те года!..
Сухарь стоял в такой цене!..
Питала худо лебеда.
Но были гуси.
Иногда.

Шифровальщик, фантаст,
сочинитель судеб,
Отзовись хоть строкой, хоть
конвертом пустым:
Что ты — варишь чугуны,
добывая на хлеб,
Или, сельским довольствуясь
бытом простым,
Подрезаешь кусты, прибираешь
денник,
Понимая: был выбор твой прост,
да не плох;
Как тебе между гряд, меж
витых повилик,
Меж баранов, коней и коровьих
лепёх?

Я твоё разумею.
Я сам от сохи;

От плетей ежевичных, арбузных
плетей...
Как мы были когда-то слепы
и глухи!
Ни страстей не видали людских,
ни людей;
Перед нами лежала земля и земля,
Чернозёма пласты, ястреба,
ковыли,
Но тяжёлой пшеницей грузнели
поля,
И стада на убой из Монголии
шли;
Многоярусно шли, с рёвом
тяжким тугим,
Поднимая пылицу, сшибая
траву, —
Как посильная плата столетьям
лихим
За Казань и Рязань, за Козельск
и Москву.
Редкий русский не бит или вон
не гоним,
И чем жёстче, тем лучше.
Осадок верней.
Помним, помним, а как же!
Но зла не храним.
Присылайте баранов, гоните
коней.
Всё окучим, съедим, только
я не про то,
А про то, что у нас тут и там
веселей
Русским жёнам живётся
в роскошных манто
Из монгольских овчин и седых
соболей.
Вон как жизнь потекла —
всё чудней с каждым днём,
Хорошо потекла, что там
ни говори,

А ведь было, когда за барана
с конём
Отдавали красавиц по две
и по три...
Я отвлёкся — Рязань...
Россиянки... Торги...
Жив ли ты, вот вопрос, вот
печалось о чём.
Хорошо ль сочинять под напевы
пурги
По соседству с селпо, под его
кумачом?
Сочиняй, сочиняй...
Я слежу за тобой.
Верный данник стиха,
на свету ли, впотьмах,
К каждой строчке твоей
припадая губой,
Пью до стука крови, до угара
в висках.
Мне так любо с незримым
в тиши тет-а-тет
Говорить, вспоминать, удивляясь
подчас
Тайне русского слова, которой
секрет
В сотый раз я открыть не могу.
В сотый раз...

От Шарлотты Корде нам остался
клинок.
От Марата осталась Шарлотта
Корде.
От Татьяны, что — Гнедич, —
сонетов венки,
От рязанского клёна —
кленок-сосунок,
От Христа, по преданью, —
следы на воде.

Вот что вера творит!..
Я смотрю на залив:
Никого, только волн
перехлѣст-перестук.
Звѣзды низко висят, словно
белый налив,
Заберусь на валун и сорву
пару штук.
Хороши!
Холодны!
Пахнут злой тишиной.
Неуютно в космическом этом
саду.

Уйма яблок, а яблони нет
ни одной,
Как же я в этой бездне дорогу
найду?

*И ступать по водам
не хватает веры.*

И.Бродский

Словно Адам, без родни,
без пупка,
Правил судьбу и не годы — века,
Душу спасая в ночах при свечах,
Слушал, как сладко томило
в плечах;
Крылья... Воскрылия...
Шорох пера...
Плахи дубовые...
Тень топора...
Светлого проблески, тѣмного
тьма...
Боже, шептал, не сойти бы с ума.
Боже, крестился, во имя чего
Столько отпущено для одного
Тяжкого, мерзкого тут и везде?..

...Плещется море, следы на воде
Видел, пытался коснуться следа...

Господи, пусто...
Вода и вода.

Родился и выжил. Пошѣл
и бреду.
По глинам по рыжим, по травам
иду.

По грязи гадаю, что не пропаду.
Иду, наблюдаю всё, что на виду.

Вот Лѣнька на лавке. Под лавкой
Архип...
Петух на сарае орѣт, аж охрип.

Высокие шеи высоких гусынь,
Канавы, траншеи, небесная
синь...

Никто не приедет, никто
не придѣт.
Никто и не едет, никто и не ждѣт.

Не ждѣт и не надо, не едет
и пусть.
Тоска и досада, вселенская
грусть.

Пытаюсь понять и никак
не пойму:
Такие просторы, а не по уму!..

Назад возвращаюсь — всё тот же
петух,
И Лѣнька на лавке. На Лѣньке
треух

Не старый, но как-то не то,
чтобы то.
В глазу катаракта. В башке
решето.

